

Киселев Вадим Олегович

аспирант Института социологии
Российской академии наук,
ведущий менеджер Всероссийского центра
изучения общественного мнения

**СООТНОШЕНИЕ КАТЕГОРИЙ
СОЦИАЛЬНОГО
И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО
ДОВЕРИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
ПОДХОДЫ И ПРОБЛЕМА
ЭМПИРИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ**

Аннотация:

Статья раскрывает особенности соотношения двух основных видов доверия – межличностного (социального) и институционального с позиций ряда российских и зарубежных исследователей. Анализируя результаты эмпирических исследований, автор делает выводы о характере динамики политического доверия в стране, ее конъюнктурной и социально-экономической обусловленности.

Ключевые слова:

социальное доверие, институциональное доверие, недоверие, политические институты, социальная структура, социальный капитал, гражданское общество, политическая активность.

Kiselyov Vadim Olegovich

PhD student, Institute of Sociology,
Russian Academy of Sciences,
Leading Manager,
Russian Public Opinion Research Center

**CORRELATION BETWEEN
THE CATEGORIES OF
SOCIAL AND INSTITUTIONAL TRUST:
THEORETICAL APPROACHES
AND THE PROBLEM OF
EMPIRICAL STUDY**

Summary:

The article deals with peculiar correlation between the two main types of trust – interpersonal (social) and institutional from the perspective of some Russian and foreign researchers. Analyzing the empirical studies results, the author makes conclusions about the dynamics of political trust in the country, its conjunctural and economic dependence.

Keywords:

social trust, institutional trust, distrust, political institutions, social structure, social capital, civil society, political activity.

Доверие, лежащее в основе любых устойчивых общественных отношений, на уровне политических институтов соотносится с понятием легитимации, несмотря на определенные содержательные отличия. Институциональное доверие в определенном смысле представляет собой генерализацию доверия, существующего на первичном, межличностном уровне. Исследователи также выделяют вертикальное доверие (к социальным организациям – правительству, органам правопорядка, церкви, профсоюзам) и горизонтальное доверие (к людям). По сути, подобная классификация осуществлена по схожим основаниям.

Двумя разновидностями научных исследований, которые исторически объединили основные концепты доверия и смежных категорий, являются теория принципала – агента и политическая психология, примерно соответствующие двум версиям авторизационного подхода к политическому доверию Гоббса и Локка. Тема отношений принципала – агента, равно как и доверия в целом, рассматриваемая в научной литературе, раскрывается в политических, экономических, социологических и правовых исследованиях. Возможно, наиболее заметными в политической науке являются продолжительные по времени исследования Р. Мое, посвященные отношениям между Конгрессом США и бюрократией и находящиеся в рамках теории рационального выбора. Теория принципала – агента также применяется к отношениям между государствами – членами и наднациональными подразделениями Европейского союза и Международного банка, а также между партиями и министрами внутри правительственных коалиций (К. Поллак, Дж. Тиес и др.).

Ключевой теоретический вывод авторизационного подхода к доверию состоит в том, что право усмотрения и персональная ответственность взаимно необходимы в случае, если в авторизованном органе между партнерами присутствует антагонизм: качественное напряжение, существующее между ними, не может быть сведено исключительно к доверию либо недоверию. Исторически авторы концепции доверия, основанной на ответственности, стремились отвлечь своих идеологических оппонентов от дискреционной крайности. Однако они не представляли политических практик, полностью лишенных дискреционности, так как без этого невозможна любая фидуциарная авторизация. Поэтому противоборство может быть представлено как выбор между отказом от осуществления контроля и осуществлением полного контроля объекта доверия над субъектом (агентом).

Виды доверия – личностный и институциональный – тесно связаны между собой. Тем не менее в качестве отдельного случая следует рассматривать доверие к персонализированным институтам, например президенту или главе правительства. В данном случае доверие может выступать как в личной, так и в институциональной формах. По утверждению Дж. Мэлоя, современные подходы к доверию «представляют собой гибриды гражданственной и легалистской альтернативы» [1, р. 494]. Например, теории «делиберативной демократии» недавно добавили доверие к набору социальных благ (включающему участие, справедливость и гражданский мир), которые могут быть распространены благодаря свободной и открытой дискуссии по вопросам, представляющим общественный интерес. Их аналитический вклад состоит в предположении о взаимно усиливающем, а не одностороннем отношении между социальным доверием и политическими институтами.

При определенных условиях межличностное доверие переходит в институциональное, возможен и обратный процесс. Следует отметить, что пониженный уровень доверия к институтам ввиду либо неэффективного функционирования, либо экономических и политических реформ, сопровождаемых появлением новых институциональных образований, может негативно проецироваться на доверие между индивидами, выражаясь в противоположном феномене – недоверии и приводя к снижению социального капитала.

Подобную взаимосвязь между доверием и социальным капиталом рассматривал социолог А.Н. Олейник, который выделил четыре типа соотношения уровней доверия и четыре типа социальных взаимодействий, вытекающих из существующих в обществе соотношений. Так, по его утверждению, при наличии высокого уровня личностного и институционального доверия «общество обладает значительным социальным капиталом, а власть способствует его сохранению и воспроизводству» [2, с. 44]. Противоположную характеристику исследователь дает тому типу общества, в котором одновременно наблюдается пониженный уровень и межличностного, и институционального доверия.

Взаимосвязь различных показателей доверия проводится и относительно политического участия. Так, например, М. Худж и С. Мэриен в статье [3], посвященной сравнительному анализу между политическим доверием и формами политического участия, ставят вопрос о том, связан ли низкий уровень политического доверия с полным уходом от политической жизни или же это приводит к изменению в политическом репертуаре участия недоверяющих граждан [4, р. 132]. Опираясь на эмпирические данные европейских исследований, авторы приходят к выводу о том, что пониженный уровень доверия зачастую приводит к внеинституциональным формам политического участия [5, р. 134], нежели к полному отказу от политической активности.

Приближаясь к обоснованию конъюнктурной и социально-экономической обусловленности уровня и динамики доверия, важно отметить, что измерение и мониторинг состояния доверия в обществе являются важнейшими практиками социально-политического прогнозирования, так как данный показатель характеризует успешность протекания многих общественных процессов. Дж. Делхи и К. Ньютон утверждают, что измеряемый в социальных обследованиях уровень доверия является хорошим индикатором благополучия и надежности обществ и социальных систем [6, р. 97]. Кроме того, в своей эмпирической работе авторы используют субъективные оценки граждан по показателям доверия и социального оптимизма в корреляции с контрольными переменными (пол, возраст, образование) в качестве индикаторов наличия социального конфликта [7, р. 100]. В противовес данному утверждению теоретики отмечают, что кажущаяся неизбежность социально-экономического объяснения природы доверия может быть результатом технической целесообразности данного подхода, однако за это приходится расплачиваться потерями на теоретическом уровне, так как происходит концептуализация доверия в терминах, делающих его полезным в качестве экспериментальной переменной, однако не раскрывается его глубинная институциональная роль.

Объяснением различий между уровнем доверия у различных социально-демографических групп населения отчасти занимаются и крупные исследовательские компании, не относящиеся напрямую к академической науке. В эмпирических исследованиях ВЦИОМ, ФОМ и Левада-центра внимание уделяется как институциональному (практически полностью охвачено все множество политических институтов), так и непосредственно социальному (межличностному) доверию. Что касается последнего, методологически оправдан используемый инструментарий для измерения данного вида доверия, так как со времен написания классической работы «Гражданская культура» Г. Алмонда и С. Вербы [8] в международных сравнительных исследованиях основным показателем, характеризующим уровень социального доверия, является доля респондентов, согласных с утверждением, что «большинству людей можно доверять». Вместе с тем, по мнению Г.Л. Кертмана и С.В. Патрушева, данный показатель дает представление лишь о наличии в обществе определенных предпосылок межличностного доверия [9, с. 32].

Результаты обозначенных ранее эмпирических исследований российских полстеров демонстрируют, что уровень социального доверия в стране достаточно низкий (уровень недоверия

практически трехкратно превышает его) на протяжении почти двадцатилетнего периода измерений [10; 11]. Некоторые отличия показателей у ВЦИОМ и ФОМ можно объяснить разницей в методике организации исследований, в том числе в объемах выборки: 1 600 и 1 500 респондентов соответственно (табл. 1).

Таблица 1 – Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, большинству людей можно доверять или в отношениях с людьми следует быть осторожными?» (закрытый вопрос, один ответ), %

	Большинству людей можно доверять	В отношениях с людьми следует быть осторожными	Затрудняюсь ответить
1995, ВЦИОМ	24	76	0
1998, ВЦИОМ	22	74	4
2007, ФОМ	18	77	5
2008, ФОМ	19	75	18
2009, ФОМ	18	78	4
2010, ВЦИОМ	26	69	5
2011, ФОМ	14	83	3
2012, ФОМ	18	78	4
2013, ФОМ	19	78	3

Мнение о том, что в отношениях с людьми надо быть осторожными, чаще других высказывают жители сел, а также малообразованные и малообеспеченные респонденты. Наибольший уровень доверия демонстрируют респонденты, высоко оценивающие материальное положение своей семьи, жители Москвы и крупных городов (от 250 тыс. до 1 млн чел.), молодежь (от 18 до 29 лет) и люди среднего возраста (от 30 до 45 лет). Данные ВЦИОМ наглядно демонстрируют, что наибольшие показатели социального доверия зафиксированы в Северо-Западном и Южном федеральных округах (в пределах 30–31 %), наименьшие – в Сибирском, Дальневосточном и Северо-Кавказском федеральных округах.

Мотивационная сторона социального доверия и недоверия лишь в малой степени может быть объяснена данными количественных исследований. В обозначенных выше исследованиях ФОМ приводятся расшифровки ответов респондентов на открытые вопросы: «Почему Вы считаете, что большинству людей можно доверять?» и «Почему Вы считаете, что в отношениях с людьми следует быть осторожными?» Мотивационными факторами межличностного доверия выступают: наличие собственного позитивного опыта («большинство моих знакомых – это люди, которым можно доверять», «в тяжелой ситуации мне уже помогли»); кейсы социализации («наше поколение воспитано на доверии», «с детства приучили верить людям»); убежденность в коммуникационной пользе доверия («если сам не будешь доверять, и к тебе не будет доверия», «как же жить без доверия к людям, с которыми приходится общаться?»).

В эмпирическом анализе межличностного доверия следует учитывать социальную дистанцию как наиболее важный фактор. Так, например, фокусируя вопрос на ближайшем социальном окружении индивида, исследователи получают заметно отличающиеся в положительную сторону данные: уровень доверия превышает уровень недоверия (табл. 2). Однако в обоих случаях отсутствует тренд на значимое повышение либо снижение значений показателя социального доверия в рассматриваемые периоды.

Таблица 2 – Распределение ответов на вопрос: «Если говорить о людях, которые окружают лично Вас, большинству из них можно доверять или в отношениях с ними следует быть осторожными?» (закрытый вопрос, один ответ), %

	Большинству людей можно доверять	В отношениях с людьми следует быть осторожными	Затрудняюсь ответить
19.08.2012	55	41	4
16.09.2012	56	39	5
24.03.2013	60	38	2
17.11.2013	60	36	4

Как следует из приведенных выше примеров, накоплена определенная эмпирическая база открытых исследований показателя социального доверия, позволяющая проследить динамику. Более сложным и методологически противоречивым остается вопрос о соотношении категорий межличностного (социального) и институционального доверия. Очевидно, что в ситуации с персонализированными институтами (такими как президент, премьер-министр, губернатор, мэр и

т. д.) ключевым фактором институционального доверия выступает наличие межличностного (социального) доверия к персоне лидера.

Для комплексного анализа уровня доверия (имеющего как социальную, так и институциональную основу) применяются комплексные показатели, позволяющие нивелировать противоречивый характер доверия. Одним из таких показателей является индекс доверия, разработанный PR-агентством Edelman и используемый в рамках ежегодного исследования Edelman Trust Barometer [12]. Сравнительные кросс-страновые данные за последние 6 лет приведены в таблице 3.

Таблица 3 – Индекс доверия Edelman в различных странах (2011–2016 гг.)

	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Китай	73	76	80	79	75	82
США	42	49	59	49	52	64
Германия	44	39	55	57	50	51
Франция	50	40	54	46	52	55
Япония	51	34	41	44	37	41
Россия	40	32	36	37	45	42

Как видно из таблицы 3, Россия обладает сравнительно невысоким показателем доверия по сравнению с рядом развитых стран. Однако начиная с 2015 г. появился тренд к повышению индекса, причем показатель России превысил показатель Японии. Эмпирически это можно объяснить патриотической консолидацией в российском обществе (2014–2016 гг.), связанной с проведением Зимних Олимпийских игр в Сочи, присоединением Крыма, военной операцией в Сирии и пр. Именно в обозначенный период исторических максимумов достигли рейтинги доверия и одобрения деятельности президента, правительства и других политических институтов.

Таким образом, представленные данные позволяют с уверенностью говорить о дефиците межличностного доверия (подразумевая дальнюю социальную дистанцию) и средневысоком уровне институционального доверия. Коллегиальный характер того или иного института, предполагающего наличие нескольких ведущих акторов (например, парламент любого уровня), нивелирует социальный характер доверия, «размывает» возможность персонализации института в лице конкретного лидера, что сказывается на снижении уровня доверия.

Ссылки и примечания:

1. Maloy J.S. Two concepts of trust // *The Journal of Politics*. 2009. Vol. 71, no. 2. P. 492–505.
2. Олейник А.Н. «Жизнь по понятиям»: институциональный анализ повседневной жизни «российского простого человека» // *Политика. Политические исследования*. 2001. № 2. С. 40–51.
3. Hooghe M., Marien S. A comparative analysis of the relation between political trust and forms of political participation in Europe // *European Societies*. 2013. Vol. 15, no. 1. P. 131–152.
4. Ibid. P. 132.
5. Ibid. P. 134.
6. Delhey J., Newton K. Who trusts? The origins of social trust in seven societies // *European Societies*. 2003. Vol. 5, no. 2. P. 93–137.
7. Ibid. P. 100.
8. Almond G., Verba S. *The Civic Culture*. Princeton, 1963.
9. Гражданское и политическое в российских общественных практиках / под ред. С.В. Патрушева. М., 2013.
10. Инициативный всероссийский опрос ВЦИОМ проведен 11–12 сентября 2010 г. Опрошено 1 600 человек в 138 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,4 %. См.: Можно ли доверять людям [Электронный ресурс] : пресс-выпуск ВЦИОМ № 1600. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=13887> (дата обращения: 09.10.2016).
11. «ФОМнибус» – опрос граждан РФ от 18 лет и старше. 24 марта 2013 г. Опрошено 1 500 респондентов в 100 населенных пунктах в 43 субъектах России. Интервью проводилось по месту жительства. Статистическая погрешность не превышает 3,6 %. См.: Доверие и взаимопомощь в нашем обществе [Электронный ресурс]. URL: <http://fom.ru/TSennosti/10964> (дата обращения: 23.10.2016).
12. 2016 Edelman Trust Barometer. Annual Global Study [Электронный ресурс]. URL: <http://www.edelman.com/insights/intellectual-property/2016-edelman-trust-barometer/> (дата обращения: 23.10.2016).

References:

- Almond, G & Verba, S 1963, *The Civic Culture*. Princeton.
- Delhey, J & Newton, K 2003, 'Who trusts? The origins of social trust in seven societies', *European Societies*, vol. 5, no. 2, pp. 93–137.
- Hooghe, M & Marien, S 2013, 'A comparative analysis of the relation between political trust and forms of political participation in Europe', *European Societies*, vol. 15, no. 1, pp. 131–152.
- Maloy, JS 2009, 'Two concepts of trust', *The Journal of Politics*, vol. 71, no. 2, pp. 492–505.
- Oleinik, AN 2001, "Life on the concepts": institutional analysis of everyday life, "the Russian common man", *Polis. Politicheskiye issledovaniya*, no. 2, pp. 40–51, (in Russian).
- Patrushev, SV (ed.) 2013, *Civil and political practices in the Russian public*, Moscow.